

Редкая семья.

Из журнала "Кормчий", 1906 г. (в сокращении)

Я глубоко чту семью, слишком высоко оставлю ее смысл и значение. В наше время трудно встретить истинную семью... Семейная жизнь в упадке... Мне привелось нечаянно встретить в деревенской глуши примерную семью, пребывание в которой было для меня лучшим и дорогим временем в моей жизни. Этими дорогими для меня воспоминаниями и хочу я поделиться с читателями.

Однажды, под вечер, я подъезжал к деревне. Тяжелые тучи заволокли все небо. Начинал моросить дождь. Я устал и решил переночевать в деревне. Мы подъехали к большой заново отстроенной избе. Из-под ворот вылезли и залаяли на нас две косматые собаки.

Окно в избе отворилось, показалось лицо старика с длинной седой бородой.

- Пусти меня, дедушка переночевать... Устал я... по делу еду! -- взмолился я старику.

Старик помолчал несколько минут, пытливо взглядываясь в меня.

- Милости просим, барин... Не обессудь... Чем богаты, тем и рады! -- промолвил он.

Я вошел в избу. Она была полна народу. Трое мужиков чинили сбрую, несколько баб что-то шили... Ребятишки играли около взрослых. Я подумал, что у старика собралась гости, и тихонько сел на лавку, оглядывая собрание. Старик, по-видимому, угадал мои мысли.

- Чему дивишься, барин? -- усмехнулся он. - Думаешь, народу больно много? Это, родимый, все свои, семейские... вместях живем. Эй, Матреша, спроворь барину закуску... -- прервал он свою речь, обращаясь к молодой девушке, усердно что-то работавшей. -- Небось устал в дороге-то?

Я, едва отведав яичницы, завалился спать и спал, как убитый, до утра.

Утро наступило ясное, светлое. В избе началось движение с зарей. Но ходили тихо и говорили шепотом из боязни разбудить меня. Я встал рано в прекрасном расположении духа. Мне казалось, что я давно знаю старика и его семью. Так хорошо я себя чувствовал среди них. Почтительный седой старик с добродушным и вместе строгим лицом пришелся мне крепко по душе. Видно было, что он стойко держал в своих руках бразды правления, и вся семья глубоко почитала его. А семья была громадная. Когда все разошлись после обеда, я выразил старику свое удивление.

- Как это вы все вместе живете? Тесно, я думаю, весьма? Много ведь всех...

Старик улыбнулся:

- В тесноте, да не в обиде, барин. Обид мы не знаем. А что много нас, это твоя правда... Вместе лучше жить, барин! Вот, гляди, сколько нас. Я да старуха моя, три сына женатые с женами и ребятами при мне живут, еще сын-паренек да дочка у меня меньшая... Старшенькая дочка моя овдовела... Тоже, значит, у меня с ребятами живет... Вот и считай нас... А за то, барин, все работники... рук-то сколько у нас... работа кипит... Пашня ли, жниво ли, покос ли, у нас у первых раньше всех поспело... Еще другим поможем... Это вот, нешто, не работник? -- ласково потрепал он по щеке маленького, белокурого мальчика. -- Мои внучата -- хорошие ребята...

благодарить Бога... Их работать помаленьку приучаем... Пущай учатся...

- Но в такой огромной семье, дедушка, я думаю, без ссор не обходится? Женщины, наверное, ссорятся? -- спрашивал я.

- Нет, барин, этого у нас нет... Душа в душу живем... Старуха у меня добрая... невестки ее как мать родную любят... Это, барин, как поставить... У нас так дело стоит, что ни ссоры, ни обид слыхом не слыхать... Не поладят бабы, сейчас ко мне... я все рассужу, сам за всем гляжу... Сынки мои, слава Богу, делиться ни в жисть не хотят... И верно, барин! Работников у нас много, работа кипит... Ну, и достатки есть. У баб шелковые сарафаны имеются... А погляди, у других беднота какая! Жалость глядеть! Мы живем сообча, своим судом судим и награждаем... И нечего Бога гневить, хорошо живем! -- Семья добрая, человеку счастье, и родине помочь. В доброй работной семье и ребята добрыми работниками вырастут... Так-то, барин!

Слова старика подтвердились. Я загостился у них и прожил целую неделю. И по правде сказать, присмотрелся я к ним, и дивился... Семья была, поистине, примерная. Все были налицо передо мной. Никто не скрывался. И за все время не заметил косога взгляда, недоброго слова в семье. Все жили необыкновенно дружно и мирно. Начинался ли спор между взрослыми, или начинали ссориться женщины, или капризничать дети - старику стоило только взглянуть на них строго и пристально, и все утихало. Он был душой этой согласной и мирной семье, оберегал ее, следил за ней. А между тем я не слышал, чтоб старик ругался или кричал. Он говорил всегда спокойно и строго. Мы часто беседовали с ним по душе.

- Матушка моя была истинно добрый человек, - говорил мне старик. -- Добру она меня учила; учила в Бога верить, людей любить, семью вести, в согласии и мире ее держать! Часто она говорила мне: "Береги, Архип, семью... В ней счастье человека... Мир да согласие семейское – выше всего!" Я с этим вырос и так детей растил... Сыновья мои нас со старухой почитают, семью свою крепко жалеют и берегут... Спасибо матушке! Мир ее святой душеньке!

Надо было видеть, как уважали в деревне старого Архипа, каким почетом пользовалась его семья. Дело какое было решить, совета ли спросить, все шли к нему, веря в его разум и правдивость.

Время, которое я провел в семье Архипа, никогда не забуду. Нигде я не чувствовал себя так хорошо, как в этой простой, крестьянской семье. С глубоким уважением всегда вспоминаю я деда Архипа. Простой крестьянин, он умел понимать, умел оценить смысл и значение семьи.